

УДК 811.161.1

О.А. Усачева*

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЭТАЛОННЫЕ ОБРАЗЫ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРИЗНАКОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ И ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются механизмы порождения нестандартных эталонных образов интенсивности признаков в детской речи и поэзии. Выявляются сходные и отличительные черты эталонных образов в анализируемых типах речи.

Ключевые слова: эталонный образ, интенсивность, сравнение, детская речь, поэзия.

Гносеологическая природа сравнения обуславливает органичность изучения компаративных конструкций сквозь призму актуальной в языкознании рубежа XX – XXI вв. когнитивно-дискурсивной парадигмы, равно учитывающей, по словам Е.С. Кубряковой, при описании каждого языкового явления «те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения)» [1, с. 34–35].

Большой интерес с точки зрения реализации когнитивно-дискурсивных функций вызывают сравнительные конструкции, репрезентирующие интенсивность признаков посредством эталонных образов.

Согласно определению В.Н. Телия, эталон – это «характерологически образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [2, с. 241].

В языке существует система образов-эталонов, имеющих конвенциональный характер и закрепленных в компаративной фразеологии типа *злой как собака, мягкий как шелк, сладкий как мед, черный как сажа*.

Вместе с тем значение интенсивности признака может быть передано при помощи эталонных образов, демонстрирующих индивидуальное мировосприятие субъекта речи. Например: *Он [конь] черен был, не чувствовал теней. / Так черен, что не делался темней. / Так черен, как полуночная мгла. / Так черен, как внутри себя игла. / Так черен, как деревья впереди, / как место между ребрами в груди. / Как ямка под землю, где зерно* (Бродский).

Предметом анализа в данной статье являются нестандартные эталонные образы интенсивности признаков в детской и поэтической речи. Выбор объекта исследования определяется очень широким использованием окказиональных образов-эталонов в названных типах дискурса.

Материалом для исследования послужили произведения русской поэзии XIX – XXI вв., опубликованные и неопубликованные дневники наблюдений за детской речью, словари детской речи [3; 4], материалы Национального корпуса русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>, интернет-сайтов: <http://www.det.org.ru/>, <http://www.boltusha.ru>.

Проведенное исследование показало, что детскую и поэтическую речь от других разновидностей речи отличает многочисленность и высокая степень ситуативности образов-интенсификаторов. Любой предмет, известный субъекту речи из его конк-

* © Усачева О.А., 2014

Усачева Ольга Александровна (usachova-o@yandex.ru), кафедра русского языка Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ротно-практического опыта, может стать эталонным носителем того или иного присущего ему признака. Например: *Обнимает маму: – Мама, ты такая нежная, как старый банан!*; *Увидела длинную траншею: – Яма длинная, как туалетная бумага (2,6)*¹; *Нас распилами ослепили / бревна, бурые, как эскимо* (Вознесенский); *Попробуй, не оставь следа, / Когда вокруг одна вода, / Пустая, как шумовка* (Зальцман).

Наличие в детской и поэтической речи сходных нестандартных конструкций можно объяснить некоторыми общими особенностями мышления ребенка и поэта.

В основе создания эталонных образов лежат ассоциативные связи, устанавливаемые носителями языка между абстрактными понятиями и предметами реального мира. Именно ассоциативное, наглядно-образное мышление является доминирующим у детей дошкольного возраста и людей творческих профессий. И детям, и поэтам свойственно эмоциональное восприятие действительности, способствующее активной работе воображения. Как отмечает Ж.Н. Маслова, «в поэтическом языке находит отражение деятельность бессознательного, субъективность, допущение нелогичности, парадоксальности истины, познание собственного «Я» и восприятие окружающего мира, основанное, прежде всего, на работе воображения» [5, с. 38–39]. Названные особенности во многом определяют и детскую картину мира. По словам В.С. Мухиной, «неустанная работа воображения – это один из путей, ведущих к познанию и освоению детьми окружающего мира» [6, с. 260].

Вместе с тем, кроме уже отмеченного сходства, анализируемые сравнительные конструкции имеют целый ряд различий, обусловленных спецификой детской и поэтической речи.

Речь детей спонтанна, поэзия представляет собой художественно обработанную речь, сложно организованный письменный текст. Рассматриваемые типы речи имеют разные цели и задачи коммуникации. К тому же уровень наглядно-образного мышления поэта более высокий, а творческие возможности ребенка ограничены в силу еще не развитого абстрактного мышления.

В результате семантика и функции анализируемых языковых средств в детской речи и поэзии оказываются различными.

Проведенный анализ позволил выявить специфику нестандартных эталонных образов в рассматриваемых типах речи. Детские эталонные образы характеризуются большей неожиданностью, предельной конкретностью, одноплановостью. В то время как эталонные образы поэтической речи отличаются высокой степенью обобщения и многоплановостью.

Рассмотрим названные особенности подробнее.

Эталонным выразителем интенсивности признака в речи детей в большинстве случаев выступает не предмет как представитель какого-либо класса, а вполне определенный предмет, известный говорящему из его собственного познавательного опыта. Например: *Бабуля, на меня напал имель. ...Он ревел, как мопед тети Вали* (4). Обращает на себя внимание высказывание: *Мама, я тебя люблю, как птица! Как мама-уточка Серую Шейку!* (4,3). За кажущимся обобщением «птица» стоит образ конкретного сказочного персонажа, ситуативно воспроизводимый образной памятью ребенка сказочный сюжет.

Непосредственная включенность детского мышления в практическое действие ярко проявляется в ситуативном выборе детьми в качестве эталонных образов предметов, попадающих в их поле зрения в момент речи: *Посмотрев на палку для метлы: – Я вырасту большая, как палка* (3).

О предельной конкретности образа нередко свидетельствуют дейктические маркеры *этот, тот, мой, наш*. Например: *– Мама, ты такая красивая! Белая, как вон та урна!* (3,5); *– Мама, ты видела на остановке тетю? У нее коса длиннее, чем мой мультик.*

¹ Здесь и далее – по отношению к тем примерам, когда возраст отмечен в источнике – в скобках указан возраст ребенка: первая цифра обозначает количество лет, вторая – месяцев.

Показательны примеры конкретизации детьми обобщенного смысла устойчивых выражений. Обобщение кажется ребенку неубедительным, и он обращается к ситуативным эталонам интенсивности, имеющим непосредственное отношение к его личному практическому опыту: — *Мамочка, я люблю тебя больше всех на свете!... Даже больше, чем хомячков!* (4); — *Мамочка, я так тебя люблю! Ни за какие сокровища мира с тобой не расстанусь! Ни за конфетку, ни за кетчуп, ни за что!*

Эталонные образы поэтической речи обычно отличаются высоким уровнем обобщения. И если в основе детских образов практически всегда собственные эмпирические знания ребенка о предмете, то поэт, порождая образ, опирается на целый комплекс представлений о том или ином предмете (явлении, ситуации), существующих в сознании носителей языка.

Приведем примеры: ... *а голос друга, / Как детская скрипка, фальшив* (Анненский). Эталонный образ «детская скрипка» является собирательным. Знания того, что, начиная обучаться игре на скрипке, все дети допускают много ошибок, обуславливает возможность использования детской скрипки в качестве эталона фальши.

Или: *Даже грязными, как торговков / Подолы, / Люди, люблю вас* (Мариенгоф). Образ «подолы торговков» отражает стереотипные представления о типичных качествах людей определенной профессии.

Эталонный образ в детской речи, как правило, однопланов. Он актуализирует исключительно значение интенсифицируемого признака. Поэтические же эталонные образы сложны, многообразны, вызывают множество ассоциаций.

Проиллюстрируем это положение примером использования в анализируемых типах речи эталонного образа «Дед Мороз».

Потрогала маму: — Ты холодная, как Дед Мороз (4,11); *Пьет сок. — В горле холодно, как у Деда Мороза!* (6,5). В приведенных высказываниях детей образ Деда Мороза используется для обозначения высокой интенсивности признака «холодный». Другие ассоциативные смыслы, которые могут быть эксплицированы этим образом, нивелируются.

Образ, реализуемый в стихотворении Н. Глазкова, многогранен: *Пусть будет эта повесть / Написана всерьез / О людях тех, чья совесть / Чиста, как Дед Мороз*. Любопытно, что сам по себе эталонный предмет — Дед Мороз — признаком «чистый», оцениваемым с точки зрения степени его проявления, не обладает. Он вызывает ассоциации с предметами, осмысляемыми в данном случае в качестве эталонов, — снег и ребенок. При этом в сознании воспринимающего субъекта актуализируются прямое и переносное значения лексемы *чистый*: при помощи образа снега акцентируется высокая степень признака «незагрязненный», а образ ребенка эксплицирует смысл «беспорочный».

Или рассмотрим примеры выражения интенсивности цвета. В детской речи эталонным образом цветового признака может стать абсолютно любой предмет, имеющий определенный цвет. Характер сопоставляемых объектов, как правило, не учитывается: *Мама наша сегодня такая беленькая, как унитаз* (4,6); *Мама... Белая, как вон та урна!* (3,5); *А мне зубки нужны белые, как зайчик* (5,10).

В поэзии порождение эталонного образа обусловлено контекстом, подчинено общей идее стихотворения. Так, в стихотворении А. Вознесенского «Поют негры»: *Мы — тамтамы гомеричные с глазами горемычными, клубимся, как дымы, — мы... / Вы — белы, как холодильники, как марля карантинная, безжизненно мертвы... / вы...* — эталоны белого цвета — холодильник, марля — вызывают у читателя цепочку ассоциаций и способствуют воплощению идеи безжизненности, равнодушия.

В стихотворении Л. Мартынова «Белая ночь»: *Все бело — / Все бело, / Даль Времени, / Как твоих циферблатов эмаль!* — эталон «эмаль циферблатов» актуализирует в сознании читателя образы часов, времени, что значимо для создания реализуемых в контексте поэтических образов ночного времени суток и периода зрелости человека.

И в детской, и в поэтической речи фиксируются эталонные образы, созданные посредством обыгрывания разных значений многозначного слова. Например, в детской речи: *У меня спина крепкая, как чай*. Эталонный образ признака «насыщенный» используется для характеристики признака «сильный». *О ножницах, раздраженно: – Тупые, как пень...* (6,11). Эталонный образ признака «глупый» употреблен в качестве интенсификатора признака «недостаточно отточенный».

Нельзя однозначно определить, являются ли примеры такого рода ошибкой, обусловленной неувоенностью ребенком системы значений многозначного слова, или проявлением языковой игры. В любом случае это не более чем смешение двух разных значений, ведущее к комическому эффекту.

Выбор эталонного образа в поэзии целенаправлен и мотивирован содержанием стихотворения. При этом многозначное прилагательное, называющее интенсифицируемый признак, актуализирует в контексте несколько значений: обусловленные синтагматической связью с характеризующим словом и определяемые эталонным образом. Например: *И птицы, и танцы, и их перуанок / кругом обложили статьями. / Глаза у судьбы – пара жестянок / мерцает в помойной яме. / Попал павлин оранжево-синий / под глаз его строгий, как пост, – / и вылинял моментально павлиний / великолепный хвост!* (Маяковский). Эталонный образ «пост» вызывает в сознании читателя комплекс представлений о связанных с религиозным постом различных ограничениях, в частности о неприемлемости ярких красок. Использование такого эталона в рассматриваемом контексте приводит к усложнению значения определяемого прилагательного. Слово *строгий* эксплицирует значения: «суровый», «очень требовательный» и «неукоснительно соблюдаемый».

Пример из стихотворения Б. Божнева «Уход солдат на русско-японскую войну»: *Шли с мыслями, глубокими, как тыл...* – представляет собой семантическую компрессию, актуализируя комплекс смыслов: «глубокие мысли», «глубокий тыл», «мысли о том, что остается далеко, в тылу».

Оперирование смыслами, а не значениями слов, сообщающее словам повышенную ассоциативность и ведущее к конденсации информации, определяется исследователями как одна из наиболее существенных черт поэтической речи [7, с. 8].

Рассмотренные примеры употребления поэтических эталонных образов отражают объемное, многовекторное восприятие автором действительности, в работу его сознания вовлекаются все компоненты ситуации, представленной в сравнительной конструкции.

Примеры из детской речи демонстрируют ограниченность восприятия ребенка, однолинейную работу его мысли. Жан Пиаже так характеризует интеллект ребенка: «Функция сенсомоторного интеллекта состоит в том, чтобы координировать краткие последовательности восприятий и движений, которые никогда не могут сами по себе привести к образованию представления о целом. Акт сенсомоторного интеллекта направлен лишь на успех действия, а не на познание как таковое» [8, с. 174].

Эталонные образы интенсивности признаков нарушают автоматизм восприятия информации и в детской речи, и в поэзии. Однако образы, созданные детьми, отличаются большей неожиданностью. Нередко они оказываются необычными и непривычными для взрослого носителя языка, в силу того что ярко отражают именно детскую картину мира.

Специфическими эталонами являются реалии детства, хорошо знакомые ребенку и имеющие большую значимость для него. Так, например, как эталон высокой степени проявления положительной оценки осмысливается компот, а как эталон высокого уровня цены – дорогая игрушка: *Папа, ну вот ты такой хороший... как компот!.. (3); Дети, они ведь дорожке ЛЕГО! (4,6).*

Необычность детских эталонных образов может быть обусловлена явлением генерализации: фокусируя внимание на общих признаках предметов и явлений, ребенок не замечает их отличительных особенностей. Например: *Мам, мы быстро бежим? Как блендер? (3,5).* Образ-эталон «блендер» актуализирует значение «высокая скорость движения», при этом смысл «вращательный характер движения» нивелируется.

Явлением генерализации объясняются и такие алогичные на первый взгляд образы: — *Инна, ты такая тоненькая... Как эта широкая кровать...* (6); *Замерзла на прогулке: — У меня нос красный, как зеленка* (3). В основе порождения данных образов лежит лишь общий признак сопоставляемых объектов: высокая степень проявления размера в первом случае и насыщенность цвета во втором.

Оригинальность создаваемых детьми образов позволяет говорить о богатстве детского воображения. Однако, по словам Л.С. Выготского, в силу незначительного конкретно-предметного и культурного опыта ребенка воображение у него гораздо беднее, чем у взрослого человека. Яркость, замысловатость детских образов объясняется тем, что ребенок «больше доверяет продуктам своего воображения и меньше их контролирует» [9, с. 28]. При этом выбор языковых средств взрослым человеком, в том числе поэтом, ограничен рядом факторов. По свидетельству многих исследователей, ограничениями свободы поэтического творчества служит культурный фон, в котором поэт существует, и язык, на котором он пишет.

При всей необычности, нестандартности поэтические эталонные образы можно оценивать как правильные, не нарушающие национально-культурных представлений о том или ином предмете. В большинстве случаев эти образы воспринимаются нами в рамках определенной парадигмы: «каждый поэтический образ существует не сам по себе, а в ряду других — внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов — и вместе с ними реализует некий закон, модель, правило, ... парадигму» [10, с. 14].

Эталонные образы, представленные в детской речи, могут противоречить существующим в русской языковой картине мира стереотипам. Например, в детской речи фиксируется высказывание *сильный, как курица*. Трудно себе представить, что курица может быть эталоном силы. Понять мотивацию этого образа можно лишь из рассуждений самого автора высказывания: *Я яйцо люблю, оно вкусное и полезное: из яйца вылупится цыпленок, из него вырастет курица, огромная! Она так быстро бегаем! Поэтому, если я съем яйцо, буду сильным, как курица!* (4,6).

Особенно продуктивны в детской речи примеры создания эталонных образов, противоречащих национальным представлениям о красоте. Так, например, образы животных, осмысляемые в русском языковом сознании как универсальные носители признака «некрасивый» (крокодил, обезьяна, корова, лошадь), в речи детей нередко используются для указания на интенсивность проявления качества «красивый»: — *Мамочка, ты у меня такая красивая, как крокодил!*; — *Мама, ты такая хорошенькая-хорошенькая, красивенькая-красивенькая, как макака!* и др. Эстетическая оценка формируется на основе эмоциональной: для усиления признака «красивый» дети используют образы животных (в том числе игрушечных), вызывающих у них наибольшую симпатию.

Итак, нестандартные эталонные конструкции в детской и поэтической речи при внешнем сходстве, обусловленном активной работой воображения субъекта речи, имеют семантические и функциональные различия. В детском языковом сознании отсутствуют шаблоны, и ребенок, осуществляя когнитивную операцию сравнения, пытается понять сущность абстрактного признака в его связях с конкретными носителями этого признака, обладающими физическими свойствами. Поэт стремится уйти от стандарта и ведет намеренный поиск связей между далекими на первый взгляд предметами и явлениями действительности, создавая сложный, многоплановый эталонный образ.

Библиографический список

1. Белашапкина Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма в кругу лингвистических парадигм современного отечественного языкознания // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сб. ст. Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 т. / отв. ред. В.Р. Тимирханов. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 31–37.

2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Дети о языке. Приложение № 2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2001. 144 с.
4. Харченко В.К. Словарь современного детского языка: в 2 т. Белгород: Изд-во Белгородск. ун-та, 2002. Т. 1. 346 с.; Т. 2. 278 с.
5. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира в контексте гуманитарного и филологического знания // Когниция, коммуникация, дискурс. Харьков, 2011. № 3. С. 26–41. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/maslova-z-n>.
6. Мухина В.С. Детская психология: учеб. для студентов пед. ин-тов / под ред. Л.А. Венгера. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
7. Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13.
8. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 660 с.
9. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк. М.: Просвещение, 1991. 96 с.
10. Павлович Н.В. Язык образов. М.: Азбуковник, 2004. 572 с.

References

1. Beloshapkova T.V. Cognitive-discursive paradigm among linguistic paradigms of modern domestic linguistics, *Priorities of modern Russian studies in understanding the language of space: collection of articles of Russian scientific conference with international participation: in 2 vol.* V.R. Timirkhanov (ed). V.1. Ufa: RIP BSU, 2012, p. 31–37. (in Russ.)
2. Telia V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and cultural aspects. M., School «Languages of Russian Culture», 1996, 288 p. (in Russ.)
3. Children of language. Appendix 2 to the proceedings of the number of permanent seminar on ontolinguistics. St. Petersburg, Univ. «UNION», 2001, 144 p. (in Russ.)
4. Kharchenko V.K. Dictionary of Contemporary child language: in 2 vol. Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo universiteta, Press, 2002, V. 1, 346 p.; V. 2. 278 p. (in Russ.)
5. Maslow J.N. Poetic picture of the world in the context of humanitarian and philological knowledge, *Kognitsiia, kommunikatsiia, diskurs [Cognition, communication, discourse]*. Kharkiv, 2011, no. 3, p. 26–41. Available at: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/maslova-zn>. (in Russ.)
6. Mukhina V.S. Child Psychology: ucheb. dlia studentov ped. in-tov, ed. L.A. Wenger. M., Prosveschenie, 1985, 272 p. (in Russ.)
7. Kovtunova I.I. Poetic speech as a form of communication, *Voprosy lingvistiki [Questions of linguistics]*, 1986, no. 1, p. 3–13. (in Russ.)
8. Piaget J. Selected psychological works. M., Prosveschenie, 1969, 660 p.
9. Vygotsky L.S. Imagination and creativity in childhood: Psychological essay. M., Prosveschenie, 1991, 96 p. (in Russ.)
10. Pavlovich N.V. Language of images. M., Azbukovnik, 2004. 572 p. (in Russ.)

*O.A. Usacheva**

NON-STANDARD MODEL IMAGES OF INTENSIVITY OF INDICATIONS IN POETICAL AND CHILDREN'S SPEECH

The article deals with the mechanisms of appearance of non-standard model images of indications' intensivity in children's speech and poetry. Similar and distinctive features of model images in analysed types of speech are revealed.

Key words: model image, intensivity, comparison, children's speech, poetry.

* *Usachova Olga Alexandrovna* (usachova-o@yandex.ru), the Dept. of Russian Language, Samara State University, 443011, Samara, Russian Federation.